

— О?

Се Цяо огляделся по сторонам, взглянул на явно новые вещи в доме женщины, и на его лице всплыла холодная улыбка:

— Значит, Шунь-цзы тоже велел тебе наживаться на этом?

Он наклонился, глядя прямо в глаза женщины:

— То, что у меня смелости хватает — правда, и характер у меня не сахар — тоже правда. Хотя сейчас я и не хочу пачкать руки кровью, но...

Он тронул холодным лезвием руку женщины:

— Отрубить тебе руки и ноги для меня не составит труда. Так что лучше тебе ничего от меня не скрывать.

Та женщина, глядя в тёмные, как бездна, глаза Се Цяо и слушая, как он словно в шутку произносит самые ужасные слова, внутренне содрогнулась и окончательно рухнула на землю. Только тогда, дрожа, она выложила правду:

— Шунь-цзы сказал, что каждый месяц будет приносить мне серебро. Он велел мне придумать способ, чтобы жители деревни не выходили из неё, и чтобы чужаки не входили... Он ещё сказал, что можно использовать наложницу Цзин как предлог. Что касается серебра от жителей...

Женщина, говоря это, виновато опустила голову:

— Они сами настаивали, чтобы я взяла, неудобно было отказываться... Да и Шунь-цзы не запрещал брать деньги у других...

Старый врач взглянул на ту женщину, снова вздохнул и покачал головой: вот она, человеческая жадность. Жадность может довести до такого безумия, что ради серебра можно пренебречь столькими жизнями...

Лицо Се Цяо стало ещё холоднее, он снова спросил:

— Кто сказал тебе плотно закрывать рот и нос?

— Шунь-цзы каждый месяц, когда приходил ко мне, закрывал рот и нос тканью. Я... я, естественно, стала осторожничать, в конце концов, эта болезнь действительно свирепая...

Та женщина опустила голову ещё ниже, боясь, как бы Се Цяо не заметил её виноватый вид. Она и сама планировала, сорвав ещё один куш, сбежать. Ведь богатство ищут в опасности, это верно, но нужно ещё остаться в живых, чтобы им насладиться...

— Эх! Эх! Эх!

Старый врач в досаде топнул ногой. Он сделал шаг вперёд, указывая на ту женщину:

— Как могут быть на свете такие чёрствые и жадные люди!

Она же явно понимала, что, плотно закрыв рот и нос и изолировав больных, можно немного сдержать распространение болезни. Но ради собственного богатства она позволила погибнуть ещё большому числу людей. Та женщина, поскольку её контролировал Се Цяо, сейчас не осмелилась ответить.

В этот момент со двора донёсся топот и шум. Лу Цзюэ обернулся и увидел вдалеке толпу людей с орудиями в руках, направляющуюся сюда. Видимо, это были помощники, которых позвал только что сбежавший человек. Улыбка на лице Се Цяо стала ещё шире. Он приподнял меч в руке, глядя на ту женщину:

— Позже будешь знать, что говорить?

— Знаю, этот негодяй знает.

Женщина поспешно кивнула.

— Помни, я отрубая руки и ноги очень быстро.

Се Цяо многозначительно добавил.

Та женщина замерла, поспешно убрав все свои мелкие мысли, и кивнула.

Толпа быстро ввалилась во двор. Большинство держали в руках мотыги. Как и молодёжь, встреченная у въезда в деревню, их лица были жёлтыми, глаза мутными и полными злобы.

— Кто вы такие?!

Они окружили Се Цяо и его спутников, настороженно спросив.

Се Цяо пнул ту женщину по голени. Та поспешно подошла вперёд, притворно указывая на толпу и крича:

— Что вы делаете? Это же мои почётные гости! Вы что, хотите, чтобы на вас обрушилась беда?

Толпа замерла, на лицах проступил страх. Человек впереди сказал:

— Госпожа Знахарка, разве не вы велели Чуаньцзы позвать нас?

— Это мои почётные гости, как же я могла велеть Чуаньцзы позвать вас, чтобы прогнать людей? Должно быть, Чуаньцзы, увидев чужаков, самовольничал.

Она яростно посмотрела на низкорослого мужчину в толпе:

— Не так ли, Чуаньцзы?

Тот мужчина, встретившись с её взглядом, замер, затем кивнул:

— Да, да, это я ошибся.

Та женщина продолжила:

— Это люди, посланные наложницей Цзин, чтобы спасти нас. У кого в семье есть больные, можете вести их туда.

Те люди опустили мотыги, но сомнительно переглянулись, не отвечая. Деревня была замкнутой, и у жителей был инстинктивный страх перед чужаками. Хотя они и верили словам знахарки, сейчас никто не хотел первым вести незнакомцев к себе домой.

— Вы... действительно можете вылечить эту болезнь?

Раздался слабый голос. Се Цяо и остальные обернулись и увидели, как из-за двери выглянула пожилая женщина.

— Вы... действительно можете вылечить эту болезнь?

Та старушка была худой и тщедушной. Она дрожала, опираясь на дверной косяк, и, говоря, начала всхлипывать. Лу Цзюэ поспешил поддержать старушку. Та схватила его рукав своими костлявыми руками, и две струи мутных слёз поползли по морщинам, словно вырезанным ножом:

— Умоляю вас, спасите моего внука!

В сердце Лу Цзюэ стало горько. Он аккуратно поддержал старушку, внимательно глядя ей в глаза, и мягко сказал:

— Не волнуйтесь.

Старый врач быстрыми шагами подошёл к старушке:

— Быстро ведите нас.

Се Цяо шёл последним. Перед уходом он холодно сказал той ворожее, строящей из себя святую:

— Если посмеешь сбежать, даже если ты убежишь на край света, я тебя найду. Не вздумай проверять.

Та женщина, словно увидев призрак, взглянула на Се Цяо и, дрожа всем телом, кивнула.

...

Дом старушки находился в самом конце переуллка. Снаружи переуллка был колодец, на нём лежала верёвка с воротом, следы износа на верёвке были серьёзными. Видимо, этот колодец был местом, где жители деревни каждый день брали воду.

Вплоть до самого дома старушка не отпускала рукав Лу Цзюэ. В её доме было пустынно и холодно, почти не ощущалось человеческого присутствия. Во дворе росло большое финиковое дерево, под деревом стояла маленькая деревянная лошадка, уже покрытая пылью.

Она провела их в комнату. Едва она отодвинула занавеску, как они услышали слабый детский плач. Войдя в комнату, они увидели на кровати ребёнка. Тому ребёнку на вид было лет семь-восемь, лицо неестественно красное, глаза плотно закрыты. Казалось, он спит, но даже во сне не находил покоя, но был слишком слаб, поэтому мог лишь тихо хныкать.

Старый врач поспешил подойти осмотреть ребёнка. Старушка, глядя на ребёнка на кровати, снова расплакалась. Она схватила рукав Лу Цзюэ и, всхлипывая, сказала:

— Это всё возмездие... Возмездие, но...

Она подняла голову, и Лу Цзюэ увидел глаза, полные невзгод и страданий:

— Но почему грехи взрослых должны искупать дети? Моему внуку всего семь лет, он не сделал ничего плохого...

Старушка, говоря это, задрожала. Се Цяо поспешил поддержать старушку:

— Бабушка, а где ваша семья?

Старушка вытерла мутные слёзы с лица:

— Умерли, все умерли. Тела моего сына и невестки лежат в восточной комнате... Госпожа разгневалась, хочет нас наказать, пусть лучше заберёт жизнь этой старухи, я и так уже достаточно пожила, но зачем, зачем...

Молодые в доме умерли, поэтому во дворе и не было человеческого присутствия.

Старушка, говоря, не могла продолжать. Лу Цзюэ, поддерживая старушку, мягко погладил её по спине:

— Не волнуйтесь, тот врач — знаменитый лекарь из Цзиньлина. Он его вылечит.

Старушка, всхлипывая, медленно кивнула.

Се Цяо, чувствуя боль в сердце, закрыл глаза, но всё же спросил:

— Бабушка, что вы имели в виду под возмездием, о котором только что говорили?

Услышав вопрос Се Цяо, старушка, напротив, успокоилась. Она глубоко вздохнула:

— Грешили, всё грешили.

— Ту девушку из семьи Чжан... жители деревни зажиморили до смерти...

В сердце Се Цяо ёкнуло: семья Чжан... Та знахарка говорила, что Шунь-цзы тоже из семьи Чжан.

С тех пор прошло недолго, но старушка рассказывала, словно о давнем событии, тихо начала:

— Ту девушку звали Мэйсян. С детства она была красивой, но ей досталась жестокая мачеха. Когда ей исполнилось шестнадцать, в возрасте, когда пора было бы свататься, мачеха продала её в уезд...

— Спустя год ту девушку забрал обратно её брат. Та девушка, что раньше любила болтать и смеяться, теперь разучилась даже говорить, засучи рукава — всё тело в шрамах. Жители деревни грешили, говорили, что она грязная, что её брат выкупил её из того нечистого места...

— Те люди, увидев её, ругали её, бросали в неё камни, говорили похабные слова, оскорбляли её... Позже даже некоторые деревенские дети стали брать с них пример, увидев — бросают камни...

— Мужчины оскорбляли её, женщины оскорбляли её, некоторые дети тоже оскорбляли её...

— Эта старуха хотела помочь той бедной девушке, но мой сын и невестка говорили мне не совать нос в чужие дела...

— В конце концов ту несчастную девушку довели до того, что она сама повесилась...

— Поэтому всё это — возмездие, всё это — возмездие...

<http://bllate.org/book/15506/1377479>